

ПИАНИСТ СРЕДИ КРОН

ДОБРЫЙ ГОГА

Гога Добрый

Пианист среди крон

«Автор»

2026

Добрый Г.

Пианист среди крон / Г. Добрый — «Автор», 2026

Мрачная зима 1995 года. Ваня Лесников переезжает в богом забытый посёлок Заречный и однажды встречает на заснеженной поляне мистическое нечто. Постепенно становится ясно: эта встреча была не просто случайностью, а началом череды невероятных событий и приближением смертельной опасности, нависающей над домом Вани и его младших сестрёнок. Он вынужден повзрослеть раньше времени, чтобы спасти близких, понять, какую цену приходится платить за правду, и услышать, как звучит мелодия таёжного леса.

© Добрый Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

II	7
III	9
IV	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Гога Добрый Пианист среди крон

I

Та, с которой все началось

Я шагал по заснеженной тропинке. Стрелки часов давно перевалили за девять. Сначала задержали в школе, потом Сеня утащил гулять. В голове навязчиво крутилась одна и та же картина: недовольное лицо матери, её усталый взгляд, тихие жалобы отцу — моему могучему, когда-то богатому. Казалось, все мои тринадцать лет жизни оборвутся в тот самый миг, когда я переступлю порог. Впереди мерещилась лишь пустота. Словно я падаю в пропасть, в белоснежное, тягучее болото, и оно засасывает меня, обволакивая каждую частичку тела. И никто уже не найдёт.

Из потока мыслей меня выдернуло уханье совы. Я всё ещё шёл по узкой тропинке вдоль реки. Мой дом находился совсем близко — метров двести, не больше. Впереди большая замёрзшая река, которую я всегда переходил по большому, старому деревянному мосту. Снег с хрустом прогибался под ногами. Темно и холодно. Я уже сотню раз пожалел, что задержался сегодня и пошёл гулять. Хотелось винить всех: учителей, единственного друга Сенью, но не себя. Как найти силы, чтобы, будучи уставшим и замёрзшим, обвинять себя? Виновата зима и этот её предательский мороз. Всегда было интересно, почему большинство детей так любит это время года. Радует лишь наличие известного праздника — Нового года. Его атмосфера способна сразить даже самого угрюмого человека.

Мысли унесли меня в сторону этого праздника. Я сразу вспомнил, как мы отмечали прошлый Новый год. Я вместе с папой ехал два часа. Ехали на машине к родственникам, в Ноябрьск. Тётя Марина получила неплохой продуктовый набор — она работала поварихой в местной больнице. Машина несколько раз застревала в сугробах и мне приходилось выходить, чтобы помочь подтолкнуть её. Наша космическая «девятка» не справлялась с силами природы. Такую фантастическую машину отец получил за службу в Афгане. Подполковником был, пока не получил увольнение в начале девяностых и сертификат на квартиру на Урале. Жилище отец продал, а затем, после смерти моей родной мамы, вновь женился и переехал сюда, в посёлок с типичным названием — Заречный. Живём мы удалённо от всех, на краю деревни, у мрачного серого кладбища. Людей там обычно немного.

Воспоминание о той поездке вновь всплыло так ярко, будто это было вчера. Спустя три часа мы приехали к тёте Марине и дяде Саше. Их весёлые лица разбавили наш усталый вид. В их квартире кипела жизнь. Было множество неизвестных мне гостей, но самое главное — новогодний стол. Таких вкусов я не видел давно. Там и банка болгарских маринованных огурцов, и коробка зефира в шоколаде, и банка шпрот, а также нарезка из сырокопчёной колбасы. Нарезка была максимально тонкой, почти прозрачными кружочками. Взрослые в основном пили самогон или водку, которую бережливо запасал дядя Саша последние несколько месяцев. Телевизор вперемешку с помехами показывал какое-то новогоднее шоу. Я танцевал вокруг ёлки в детстве. Взрослые специально переставили её из угла комнаты в центр, чтобы дети побежали и попрыгали, пока взрослые курили на улице. Помню, как играла загадочная мелодия...

Меня словно выдернули из воспоминаний. Я задумался и угодил ногой прямо в глубокий сугроб. Провалился. Холодный снег заполонил сапог, заставил пальцы ног съёжиться от холода. Мне захотелось выругаться, но я вовремя остановил себя. Отец всегда говорил, что нужно быть культурным. Только сейчас я понял, что музыка была не в моих воспоминаниях. Оглядел опушку. Пока я шёл на автомате, то явно перешёл мост через реку и был уже недалеко

от дома. Мелодия пианино играла где-то в лесу. Это было невозможно — откуда ей взяться в этой холодной пуще? Как-то не осознавая своих действий, я побрёл через тёмный частокососен. Мелодия становилась громче, словно вот-вот я увижу причину своего интереса. Мои ноги проваливались в сугробах, холод становился ещё отвратительнее, чем был, но я не останавливался. Отодвинув последние ветки, я вышел на заснеженную поляну. Я обомлел.

Огромное фиолетовое фортепиано стояло посреди полянки. Мужчина сидел на небольшом мягком стульчике и играл свою мелодию. Скрипучую, загадочную мелодию. Он не смотрел на меня, а я боялся посмотреть на него. Я просто стоял в начале поляны, словно загипнотизированный своей необычной находкой. Мужчина был худощавым, одетым в строгий чёрный костюм. Его крючковатые пальцы порхали по клавишам. Ветер усиливался, словно подпевал его жуткой мелодии. Снежинки падали везде, кроме него самого и музыкального инструмента. Мужчина не проваливался под снег, не скулил от холода. Мелодия постепенно ускоряла свой темп. Я слышал, как где-то рядом воют волки. Весь лес подпевал жутковатой фигуре и её масштабному инструменту. Но вдруг мелодия стихла. Мужчина всеми пальцами ударил по клавишам и, я клянусь, уставился на меня.

В тот момент я осмелился посмотреть ему в лицо. Оно освещалось в свете луны. Я увидел его морщины и словно облезшую кожу. Глаза были лишь тёмными провалами, без зрачков. Его внешний вид показался мне ужасающим, словно сделанным из папье-маше — ненастоящим. Просто кто-то пришёл и слепил этого мужчину, оставил играть на этой поляне. Ужас окатил меня водой. Мои зрачки расширились, а вместо холода наступила жара. Я моментально понёсся назад, через сугробы, через частокососен и упавшие ветки. Почти наверняка знал, что если зазеваюсь, то умру или исчезну без следа. Будут потом мои родители ходить по соседям или в администрацию с листовками, на которых написано: «Пропал мальчик, тринадцать лет. Лесников Иван Витальевич. Волосы русые, глаза голубые, был одет в чёрную куртку и большие сапоги».

Я бежал так быстро, как никогда не бегал. Сугробы больше не казались бездонной ямой. Они казались небольшими углублениями, через которые я перелетал, всеми силами не желая застрять и узнать силу того худощавого мужчины. Пианиста, который наверняка заманил меня своей мелодией, заставил уйти с тропинки и пойти в лес. Мне захотелось обнять сестричек, захотелось пообещать родителям, что никогда больше не задержусь. И вообще больше гулять не буду. За моей спиной что-то жужжало, ухало, шептало. Эти звуки издавал сам лес. Ещё чуть-чуть — и когтистые лапы неизвестного мне существа схватят меня, сожрут, разорвут. Даже если так, пусть убьют меня быстро. Пусть родители не найдут меня расчленённым среди сугробов. В этот момент я уже выбежал на тропинку. Дальше бежать было легче. Мне было очень жарко, пот струился ручьями. Разве человек способен так быстро нагреться?

Вблизи показался мой дом и кладбище. Тёмные кресты с неизвестными мне фотографиями словно намекали на что-то. «Вот здесь тебя и похоронят» — показалось мне из леса. Это было моё болезненное воображение? Или я действительно слышал голос лесных тварей? Не успел я обдумать эти слова, как уже быстро заскочил к нам на участок. Домик был окружён небольшим деревянным забором. В душе я сто раз поблагодарил отца за то, что он почистил дорожку до дома сегодня днём. Иначе было бы глупо умереть в собственном дворе. Я молился, чтобы входная дверь была не заперта. Отец всегда запирал её по вечерам. Он говорил: «Это чтобы незваных гостей не было». Возможно, «незваные гости» гнались за мной прямо сейчас. Вот от кого наш сильный папа запирает дверь? Я с силой дёрнул ручку. Она поддалась. Я ввалился в дом и упал на пол, тяжело дыша.

II

Как снег

Тяжёлые шаги раздались по дому. Я, всё ещё вне себя от страха, отползал от входной двери. Казалось, что лесные гости могут зайти к нам в дом и закончить своё дело прямо на глазах моей семьи, на глазах моих любимых сестричек. Мама зашла в коридор и осмотрела меня усталым, осуждающим взглядом. Несмотря на это, тут, рядом с мамой, страх постепенно угасал. Он таял, как снег.

— Почему так долго не было дома? — Мама опустила на корточки, помогла мне подняться и сняла с меня куртку.

— Там... — Ком сжал горло. Захотелось заплакать. — там кто-то был, мам, он гнался за мной...

Мама замерла на секунду. Лампа тускло освещала её хмурое лицо. Она стряхнула уже подтаявший снег с моих штанов, а затем ворчливо проговорила:

— Тише, не говори ерунды. Если Оля с Евой тебя услышат, то опять всю ночь спать не будут.

Маму словно не интересовали мои проблемы. Её не смущал мой растрёпанный вид, запыхавшееся лицо и насквозь промокшая одежда. Где-то в груди затаилась обида. В этот момент я услышал, как на втором этаже нашего домика быстро засеменяли чьи-то ноги в нашу с мамой сторону. Я уже снял верхнюю одежду. Мама быстро ушла на кухню, смерив меня напоследок угрожающим взглядом. Я был вполне доволен таким исходом: никто меня не убил и не поставил в угол до утра. Завтра ведь выходной, и в школу не надо.

Близняшки уже спустились в коридор и радостно обняли меня. Они были искренне рады видеть своего братика. Оля и Ева были для меня лучиком солнца в этой тьме. Пианист и его лесные слуги словно сразу вылетели из моей головы. Но отголоски страха ещё оставались.

— Ваня, ну где ты был? Мы так ждали-ждали... — мило спросила Ева, уткнувшись мне в живот.

Я не знал, что ответить. Уж точно не хотелось рассказывать, как я позабыл о своих сестрёнках и гулял до вечера с Сеней.

— В школе задержали, — буркнул я и отвел взгляд в сторону, не желая выдавать истинных мотивов. Мне очень не хотелось ломать образ идеального брата в глазах девочек.

— Так долго? А ты им сказал, что у тебя сёстры есть? Что дома ужин стынет? — съехидничала Оля и слегка обиженно отстранилась от моих объятий.

Она явно не верила в мой рассказ про школу. Через год они и сами должны пойти в школу — вот тогда они и поймут меня, наверное. В любом случае Оле я не ответил, решив перевести тему разговора:

— Лучше расскажите, чем вы занимались. Есть ли что-нибудь покушать?

— Тарелка борща на столе. Ешь, пока горячее, и не трещи, отец скоро приедет, — сухо отозвалась мачеха из кухни.

Я кивнул, похлопал сестрёнок по плечам, а затем пошёл на кухню.

Кастрюля борща стояла на плите. Связка поленьев лежала у печки, я сразу почувствовал приятное тепло. Близняшки засеменяли на второй этаж, к себе в комнату, заскрипели половицы. Я положил ложку в тарелку и стал аккуратно есть наваристую жижу, которой мы питались уже несколько дней подряд. Ко мне вновь пришли воспоминания из детства.

Мы с отцом когда-то жили в городе. Дома меня всегда ждала банка сгущёнки. Я её бережливо хранил, ел только раз в неделю с чаем и хлебом. Отец не настаивал на этом правиле, но я сам как-то интуитивно его придерживался. Когда папа снова женился и мы несколько меся-

цев назад переехали в эту деревню, моя жизнь кардинально изменилась. Мне пришлось привыкать жить со сводными сёстрами — Олей и Евой. Женитьба взрослых объединила меня и сестёр. Они стали для меня единственной причиной радоваться в последнее время. Сгущёнку я, конечно, больше не видел, но зато видел очаровательные и довольные лица девочек. Даже если бы у нас и появилась баночка сгущёнки, я бы наверняка не тронул её и оставил им.

Из воспоминаний меня выдернул звук подъезжающей машины отца. Каждый день он уезжал куда-то и возвращался лишь в девять вечера. Я всегда знал, что мой отец что-то скрывает. Эти люди, которые приходили к нам в городе... От них пахло сигаретами и угрозой. Хмурое «Батю позови, дела надо обкашлять» всегда заставляло моё сердце съёжиться от страха.

Серебристая «девятка» остановилась у двора дома, как раз напротив моего окна. Мама быстро выбежала из гостиной и, даже не надев куртку, направилась встречать отца на улице. Меня бы она за такое неделю ругала и наверняка запретила бы гулять. Я наблюдал за сценой на улице. Отец вышел из машины, на его поясе висел пистолет. Со времён войны он его ни разу не снимал. Кого-то боялся? Тех подозрительных людей, что ошивались у нашей машины месяц назад? Или тех, кто приходил к нашей квартире в городе?

Мама что-то расспрашивала у отца, а он устало отмахивался. Они спокойно шли по вычищенной тропинке к дому. Я внезапно представил, как украду у отца пистолет, а затем героически пристрелю жуткого мужчину-пианиста. Мысль о нём испортила мне аппетит. Стоит ли рассказывать родителям об этом инциденте в лесу? По крайней мере, отец должен мне поверить. Может, он будет чаще возить меня на машине до школы? Нет, вряд ли, взрослые никогда не верят детям. Метель на улице усиливала свой вой, поэтому я не слышал, о чём говорят родители. Деревянные стены нашего дома тонкие, но природа явно на их стороне.

Наконец они зашли в дом. Отец вошёл на кухню, строго кивнул, приветствуя меня.

— Привет, пап. Какие-то проблемы? Почему ты приехал так поздно? — любопытно спрашивал я, ожидая, что отец наконец-то расскажет мне о своих вечерних делах. Ага, было бы так на самом деле.

— Ничего серьёзного, сын. Думай об учёбе и о сёстрах, — устало ответил отец, явно не желая делиться подробностями своей жизни.

Мама уже давно ушла на второй этаж и, вероятно, закрылась в спальне до утра. Через час после ужина и я лёг в свою кровать. После всего пережитого сегодня мне хотелось поскорее уснуть.

III

У стен есть уши

Той ночью было тяжело уснуть. Я слышал вой ветра за окном, стук дерева где-то на чердаке. Дом жил своей жизнью и играл свою собственную, скрипучую мелодию. Я слышал, как сёстры ложатся спать, как мама целует их и обещает защитить от всех кошмаров. С тех пор как мы с отцом переехали в этот посёлок, я заметил, что девочкам часто снятся кошмары. При этом днём они вели себя как обычно и ни про это и вспомнить не могли. Это было странно. Девочки периодически начинали плакать в одно и то же время. Им снился один и тот же кошмар? Или плач одной сестры моментально заставлял плакать вторую? Моя комната находится на первом этаже, а комната девочек наверху, прямо над моей. Даже учитывая вой ветра и природные шумы, я всё равно часто просыпался от их плача. Они никогда не кричали, а именно тихо плакали. Спросонья это могло напугать даже самого заядлого скептика, это было жутко. Каким-то образом я уснул. Мозг дал сигнал телу.

Мне снились невнятные образы. Какие-то мрачные фигуры людей, птицы, город, звон монет и церковных колоколов. Ничего конкретного, лишь мешанина из образов. Я так и не привык к этому посёлку, к этому дому.

Сквозь сон я услышал пианино. Оно играло где-то далеко, на границе моего сна и реальности. Спокойная мелодия. В какой-то момент мне захотелось самому что-то сыграть на таком величественном инструменте, как фортепиано. Но тут воспоминания о пережитом ворвались и в сон. Я неосознанно представил загадочную фигуру худощавого мужчины-пианиста. Сон мог превратиться в кошмар, невнятные фигуры взрослых людей явно превратились бы в огромные деревья и лесных чудищ. Сны мне снятся редко, но моя осознанность в них огромная. Именно эта осознанность позволила мне моментально прервать сновидение и вернуться в реальный мир.

Я приподнялся на локтях в кровати. В доме было холодно, видимо, печка стала тухнуть ближе к трём часам ночи. Именно такое время показывали небольшие часы, которые висели на стене моей комнаты. Только в этот момент я понял, что музыка до сих пор играет. Тихая, меланхоличная мелодия леса. Пианист, что прячется за кронами деревьев. Со второго этажа тоже доносились какие-то тихие звуки, но это был не плач сестёр, а что-то другое. Что-то такое, что мне не хотелось исследовать. Возможно, Пианист преследовал меня.

Мои босые ноги опустились на пол. Доски тихо зашкрипели. Я протёр ладонью лоб, убрал холодный пот с лица. Окно было зашторено и плотно закрыто, но почему-то мне очень хотелось отдёргнуть штору, посмотреть на Пианиста. Хотелось заглянуть ему в душу, если такая у него была. Сразу вспомнилась мысль об отцовском пистолете, который, скорее всего, отец припрятал в спальне родителей, где они сейчас мирно спали. Самое удивительное, что в этот раз, будучи дома, я не испытывал страха. Я испытывал любопытство. Почему-то мне казалось, что отец легко остановит загадочного мужчину, покажет ему «кузькину мать» — так он сам говорил, когда я жаловался на своих обидчиков в новой школе.

Я встал с кровати и медленно зашагал по дому. Мои руки в темноте нащупали одежду, я быстро надел какие-то брюки и майку. Мне не хотелось упустить Пианиста. Метель на улице уже стихла, судя по тому, что ветер не перекрывал тихую мелодию. Я выскочил в коридор, аккуратно снял с крючка отцовскую телогрейку. Надел её и неосознанно ощупал карманы — вероятно, надеялся найти пистолет. Вместо этого в кармане оказалась лишь мягкая пачка сигарет. Я мечтательно представил, как стою посреди леса и смотрю на луну. В моих руках тлеющая сигарета, я медленно курю её. Ох, отец бы меня на неделю в угол поставил, заставил перебирать всю крупу в доме в качестве наказания.

Мелодия Пианиста среди леса манила, завораживала. Посреди ночи я как-то не осознавал своих действий. Возможно, я сошёл с ума или неведомая сила вывела меня из дома. Да, я медленно отодвинул щеколду, не желая разбудить родителей. Они определённо спали, иначе почему до сих пор не добавили дров в печку? Так сильно заботятся о Еве и Оле, подумали бы об их здоровье.

Мои ноги скользнули за порог дома. Зимняя ночь была ужасающей, дальше нашего двора уже была непроглядная темень. И я, видимо сохранив часть здравого рассудка, не собирался туда идти. Я просто выглянул. Не закрывал плотно дверь, чтобы дом не выстудить, ведь в нём и так уже было холодно.

Я стоял в паре сантиметров от порога и смотрел в темноту, прислушивался к едва слышной мелодии. Уверен, что если бы последовал в темноту, то наткнулся бы на его лесных слуг, что гнались за мной. Внезапно я услышал голос мамы. Он донёсся из окна второго этажа нашего дома.

— За сыном сегодня кто-то гнался. Это были твои дружки, я знаю, — на удивление тихо говорила мама. Она запомнила мои слова и моё напуганное состояние? Или они говорят о каком-то другом сыне?

— Не гони пургу, Наташа. Они не знают, что я в посёлке, а сынку моего и вовсе никогда знать не знали, — уверенно отчеканил отец.

Моё сердце сжалось от страха. Родители знают о Пианисте? Или они имеют в виду кого-то более опасного? Почему мелодия вывела меня из дома? Почему родители сидят там, на втором этаже, с открытым окном и выстужают дом? У меня было много вопросов, но никто не мог дать ответов.

— Витя, ну, ради бога, прошу... — мама стала тихо умолять, её голос заметно захрипел и стал тише, — ...они же найдут нас, понимаешь? Найдут, и ты ничего сделать им не сможешь, потому что...

— Молчать, Наташа, а то ещё детей разбудишь, — отец грубо прервал мать, которая что-то собиралась сказать.

Его голос, ровный и чёткий, закончил этот загадочный диалог. Я услышал, как кто-то подходит к окну в родительской спальне и быстро закрывает его, затыкает дыры газетами.

Голоса умолкли. Я так увлечённо подслушивал собственных родителей, что не заметил, как мелодия из леса стихла. Как давно это произошло? Не знаю, но времени искать свидетелей в лесу и узнавать было мало. Я быстро, тихо зашёл в дом и повесил на крючок отцовскую телогрейку. Так как двигался я быстро, то издал немало шума, пол скрипел достаточно громко. Повезло, что никто из родителей не бросился проверять коридор. Я закрыл дверь на щеколду и окончательно вернулся в комнату. Мирно спать до семи утра мне уже не хотелось. Хотелось вломиться в комнату родителей и заставить их всё рассказать. Они должны верить мне. Ради безопасности Оли и Евы. Клянусь, если из-за действий отца пострадают мои сёстры — я ему этого не прощу.

Мысли были злыми и какими-то неуправляемыми. Я уже не понимал, откуда ждать удара. Иногда я чувствую, что мозг намеренно путает факты, подтасовывает карты. Это трудно объяснить. Я схожу с ума? Кем бы ни был этот Пианист и что бы ни скрывали родители — я узнаю.

IV

Молчание — золото

Выходные прошли спокойно. За два дня на меня никто не напал, и никакие незваные гости к нам не нагрянули. Мысли о разговоре родителей, о Пианисте не раз меня навещали. Но я молчал, а в душе проклинал себя за эту трусость.

В ночь с воскресенья на понедельник я проснулся. Проснулся резко, с жгучим желанием в груди. Мне хотелось узнать ответы на мои вопросы. Я готов был пойти, узнать их у родителей или отправиться в лес и допросить худощавого музыканта. Но, признаюсь, сильнее всего хотелось сначала услышать его мелодию. Красивую, меланхоличную. Она одновременно и пугала меня, и опьяняла. Услышать её этой ночью мне было явно не суждено. Стоило мне только встать с кровати и решительно отправиться на второй этаж, в комнату родителей, как вдруг я услышал тихий плач сестричек. Затем последовал сонный голос проснувшейся мамы. Она успокаивала девочек, напевая им колыбельную. При этом колыбельная была совсем не из «Спокойной ночи, малыши!», а что-то более необычное, местное. Слов я разобрать не мог, но слышал, как мама напевает близняшкам эту мелодию регулярно. Она и меня убаюкивала. Так и уснул.

Утром наступил понедельник. Мама заботливо разбудила меня в половине седьмого утра. Видимо, чтоб я быстро собрался в школу и не маячил перед носом до трёх часов дня. Кто я такой, чтобы сопротивляться великому понедельнику? Я быстро оделся в свою старую школьную форму. Выскочил в коридор. Дома было прохладно, печка только начинала разгораться. Мама быстро наложила мне манной каши в тарелку, а затем удалилась в родительскую спальню.

Пока я ел густую субстанцию, то мысленно молился, чтобы прямо сейчас отец спустился сюда и сказал: «Всё, сын, пойду заведу машину, подкину тебя до школы» — этого хотелось больше всего. Но мой могучий отец не спустился — это значило, что мне придётся самостоятельно пробираться через сугробы, искать тропинку в темноте, в холоде, и неизвестно, кого я могу по дороге встретить. Вдруг на той поляне всё это время меня поджидает Пианист? Он знает, что все эти два дня я не выходил из дома и что я боюсь его. В этот раз я не смогу от него убежать. Его костлявые руки схватят меня, сцапают. Он разорвёт меня, а затем сыграет свою мелодию на моих рёбрах.

Я провёл рукой по лицу, снял наваждение. Тяжело вздохнул, до последнего надеясь, что отец заведёт «девятку» и спасёт меня от леса. Этого не произошло. Я водрузил рюкзак на плечи и вышел из дома. Встретил уже привычный тёмный фасад леса. Повезло, что метели не было, иначе рассмотреть приближающуюся угрозу было бы совсем невозможно. Мои шаги были робкими, я двигался в ускоренном темпе и ни за что не собирался смотреть в сторону поляны, где когда-то увидел Пианиста. Снег хрустел под ногами. Он напоминал хруст моих костей, если папины дружки доберутся до меня. Злые метафоры наполняли мозг. Силуэт ветки дерева вдалеке мог сойти за висельника, а куст — за кучу металлических шипов. Даже кладбище пугало меньше, чем эти силуэты. Оно ничего не скрывало.

И вот я уже прошёл лес и перешёл мост. Никто меня не схватил, и никакой мелодии фортепиано я не услышал. Похоже, что сегодня казнь отменяется. Через пару минут я уже вошёл в самую заселённую часть деревни. Главная улица, Советская, тянулась от сельсовета — серого дощатого барака — к повороту замёрзшей реки, той самой, за которой стоял наш одинокий дом у кладбища. Избы стояли плечом к плечу, разделённые лишь заборами и сугробами. Всего пара одиноких фонарей освещала улицу, и я старался перебегать от одного источника света к другому. В окнах домов постепенно загорался свет. Высокая церковь стояла на холме. Посёлок оживал, но я понимал, что это лишь иллюзия жизни.

Свист школьников прервал мои размышления. Я наконец-то подошёл к школе и даже не заметил этого. У ворот курили несколько старшеклассников, одетых в спортивную форму. Несколько человек громко что-то обсуждали, щёлкали семечки и плевали их прямо у входа на территорию школы. Один из них выглядел особенно необычно: острое лицо с небольшой коричневой бородкой. Я прошёл мимо них, напрямик к одному из самого большого зданию в посёлке — двухэтажной школе. Вошёл внутрь и сразу вспомнил знакомые запахи. Пахло полиролью, известью и чем-то старым, давно забытым. В коридорах маячило лишь несколько человек. Таких же, как я: тех, кого выгнали в школу с утра пораньше, либо тех, чьим родителям надо на работу и можно завезти своего ребёнка по пути.

Постепенно коридоры наполнялись людьми. Я уже собирался отправиться в свой класс, как вдруг меня остановили. Несколько ребят из моего класса: местный хулиган Серёга Хромов и его прихвостень Толик Задорин. Была ещё пара ребят-хулиганов вместе с ними, но их имён я не знал — они не были из моего класса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.